

УДК 821.161.1.0

DOI: 10.17223/19986645/64/14

О.Б. Лебедева

ПРЕДСМЕРТНОЕ ПИСЬМО ГЕНРИЕТТЫ РАЗУМОВСКОЙ К В.А. ЖУКОВСКОМУ И ЕГО СЛЕДСТВИЯ В ПРИДВОРНОЙ СУДЬБЕ ПОЭТА¹

Впервые полностью публикуются архивные документы, связанные с участием Жуковского в деле Н.И. Тургенева и восстанавливающие последовательность событий, вызвавших первый конфликт наставника престолонаследника с Николаем I. Импульсом обращения Жуковского к императору с ходатайством за осужденного декабриста стало предсмертное письмо принимавшей участие в судьбе братьев Тургеневых графини Разумовской, побудившее Жуковского выступить посредником между императором и Н.И. Тургеневым.

Ключевые слова: В.А. Жуковский, декабристы, Николай Тургенев, Генриетта Разумовская, эпистолярный, архивные источники.

Известно, что придворная карьера Жуковского, складывавшаяся вполне идиллически с 1815 г., когда он начал исполнять обязанности тещи при императрице Марии Федоровне, и вплоть до 1827 г., когда поэт поочередно был преподавателем русского языка великих княгинь Александры Федоровны и Елены Павловны, а с 1824 г. – учителем и с 1827 г. наставником великого князя Александра Николаевича, осложнилась первым серьезным конфликтом с императором Николаем I во второй половине 1828 г. Считается, что причиной этого конфликта стала поданная императору Жуковским <Записка о Н.И. Тургеневе>, впервые опубликованная по черновому автографу с купюрами в 12-м томе Собрания сочинений под ред. А.С. Архангельского [1. Т. 10. С. 13–23; 2. Л. 16–39], и позже, по тому же автографу – полностью в 13-м томе. Полного собрания сочинений и писем [3. Т. 13. С. 274–289]. Однако, как свидетельствуют архивные документы, которые будут рассмотрены ниже, при том, что причиной конфликта действительно стало участие Жуковского в деле Николая Тургенева, его катализатором послужила не столько записка Жуковского, сколько письмо парижской знакомой Жуковского, большого друга братьев Тургеневых, графини Генриетты Разумовской, написанное за несколько дней до смерти адресанта (последовавшей 5/17 декабря 1827 г.) и полученное Жуковским около 27 декабря 1827 г. Именно оно подвигло Жуковского предпринять те действия, которые привели к первому серьезному конфликту с императором Николаем I, надолго осложнившему отношения поэта с отцом его воспитанника. Попутно выясняется и то обстоятельство, что поданный Жу-

¹ Исследование проведено в Томском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00083 «Русская эпистолярная культура первой половины XIX века: текстология, комментарий, публикация»).

ковским императору документ в оправдание Николая Тургенева принадлежал не поэту, а самому осужденному декабристу.

Предпринять активные действия в защиту и ради оправдания Николая Тургенева Жуковского побудила трагическая смерть младшего брата Николая и Александра Тургеневых, Сергея, которая обострила и без того очень непростое положение разлученных братьев, не имевших возможности повидаться друг с другом: в Лондон к Николаю с вестью о смерти Сергея вместо Александра, которому был запрещен выезд из Парижа, поехала именно графиня Генриетта Разумовская. Жуковского с ней сблизил два обстоятельства: ее дружба с Полиной Гизо, благодаря которой поэт познакомился и подружился с семьей знаменитого французского историографа, и то деятельное сердечное участие, которое графиня приняла в братьях Тургеневых во время, последовавшее после смерти Сергея и вплоть до ее собственной смерти. Над своей <Запиской о Н.И. Тургеневе> Жуковский начал работать вскоре после смерти Сергея – ее черновому тексту предшествует черновик письма к императрице Александре Федоровне от 28 мая / 9 июня, содержащего ходатайство за Александра Тургенева и просьбу испросить для него у императора разрешение поехать в Лондон к брату [4. С. 516–522; 2. Л. 14–15]¹. Работа над <Запиской...> продолжалась практически до поздней осени 1827 г., времени возвращения Жуковского из второго заграничного путешествия в Россию: в письмах к А.И. Тургеневу из Берлина и Дерпта от 17/29 сентября и 13/25 октября соответственно Жуковский писал о ней:

Мою записку почти переписал и постараюсь дописать еще здесь, чтобы быть по приезде наготове. Многое поправил. Но признаюсь, чем ближе к возврату, тем менее вероятным становится успех. То, что ясно и убедительно здесь, то теряет свою убедительность там; ибо <...> там все предубеждения против, и самая простая, ясная истина покажется сумасшествием [5. С. 221–222].

Свою записку сократил. От этого стала яснее. <...> NB. Нам, однако, не надобно себя обманывать. Когда мы рассуждали вместе, то смотрели на все своими глазами. Здесь же все, что казалось тогда так просто и естественно, кажется трудным и невозможным [5. С. 222–223].

¹ Черновой автограф письма датирован «28 мая / 9 июня». Предыстория его написания содержится в дневниковых записях от 23/4 – 27/8 мая / июня 1827 г.: «В понедельник поутру похоронили Сергея <Тургенева> <...>. Во вторник <А.И.> Тургенев просил отпуска в Англию и получил отказ. В четверг я был у посланника» [3. Т. 13. С. 264]. Ровно две недели с момента приезда Жуковского в Париж исполнилось 25 мая/6 июня 1827 г., но Жуковский обратился к императрице только после того, как исчерпал собственные возможности помочь А.И. Тургеневу, то есть, после двух своих (очевидно, безрезультатных) визитов к русскому посланнику в Париже, А.А. Мериану, 26/7 и 27/8 мая / июня.

Жуковский возвратился в Россию из второго заграничного путешествия около 15 октября 1827 г.¹ В его письмах от ноября–декабря 1827 г. периодически упоминается о чтении какого-то «манускрипта», под которым традиционно подразумевается <Записка...> Жуковского и с которым поэт ознакомил прежде всего своих ближайших друзей: Д.В. Дашкова и автора «Донесения Следственной комиссии» Д.Н. Блудова [5. С. 224]. Еще об одном чтении сообщает П.А. Вяземский – и это чтение уже документа, принадлежащего самому Николаю Тургеневу: «<...> помню одну оправдательную записку, присланную изгнанником из Англии. В бытности моей в Петербурге был я однажды приглашен князем А.Н. Голицыным вместе с Жуковским <...> на чтение вышепомянутой записки» [6. С. 256]. В этой публикации Вяземского нет никакого указания на время чтения; Н.Ф. Дубровин, опубликовавший по копии, полученной от П.Н. Тургенева, один из вариантов оправдательной записки Н.И. Тургенева, датировал его маем 1826 г. на основании письма А.И. Тургенева к А.Н. Голицыну от 1 мая 1826 г., – но в нем нет никаких упоминаний о том, что к нему приложена какая-то записка Николая Тургенева [7. 1902. № 4. С. 50–62]. Однако в мае 1826 г. чтение в таком составе – Голицын, Вяземский, Жуковский – не могло состояться, поскольку Жуковский покинул Петербург 11 мая 1826 г., отправляясь во второе заграничное путешествие [3. Т. 13. С. 246.], а Вяземского в начале мая в Петербурге не было: он приехал в столицу только 23 мая 1826 г., на следующий день после смерти Н.М. Карамзина. Напротив, весну 1828 г. (март–апрель) Вяземский провел в Петербурге, ожидая свадьбы Е.Н. Карамзиной, что и позволяет отнести упоминаемое им чтение к весенним месяцам 1828 г. И каждый раз итоги чтения – что бы это ни было, записка ли самого Жуковского или оправдательная записка Николая Тургенева, опубликованная Дубровиным, оказывались неутешительными: в письме к А.И. Тургеневу от 25 октября / 6 ноября 1827 г. Жуковский заметил:

С Дашковым много говорил о тебе. Он читал известный тебе манускрипт и говорит, что он произвел в нем моральное убеждение, но что, перечитывая потом печатную брошюру, на которую в манускрипте ссылаются, он увидел неудовлетворительность доказательств [5. С. 224].

Аналогичное мнение князя Голицына передает П.А. Вяземский: «...по окончании чтения сказал он “cette justification est trop à l’eau de rose”^{*}», добавив от себя: «...нашел и я, что не была она вполне убедительна» [6. 1876. № 2. С. 256]. В этих письмах Жуковского и публикациях Вяземского и Дубровина обращает на себя внимание характерное двоение объекта: речь в них идет то о <Записке...>, принадлежащей перу самого Жуков-

¹ Дата предположительно устанавливается по письму к А.И. Тургеневу от 13/25 октября из Дерпта [5. С. 222].

* В этом оправдании слишком много розовой воды (*франц.*)

ского, то о каком-то «известном манускрипте», автором которого является Николай Тургенев, поскольку поэт в своем тексте ни на какие брошюры не ссылается; под «брошюрой», надо полагать, имеется в виду «Донесение Следственной комиссии», опубликованное в июне 1826 г. Несомненно, что Жуковский намеревался подать Николаю I свою собственную записку, но в течение двух последних месяцев 1827 г. его решение изменилось.

Трудно сказать, когда именно в руках поэта оказался тот документ, который он в конечном счете и подал императору Николаю I, сопроводив его своим известным письмом от 29 декабря 1827 г., в котором, в частности, говорится:

Я получил список его объяснения, не известного никому кроме оставшегося брата, меня, и еще, думаю, трех или четырех. Живейшим моим желанием было представить его Вашему Императорскому Величеству. Для этого я ожидал только счастья иметь личное, особенное с Вами свидание; но я не позволял себе искать сего счастья, а только надеялся, что Бог сам во благое время пошлет желанный случай. <...> Полагаю к священным стопам Вашего Императорского Величества исповедь Николая Тургенева и ничего не прошу кроме внимания, но *собственно Вашего* внимания. Благоволите, Государь, *Сами* прочитать эту рукопись. Она длинна, но выписки сделать из нее невозможно, ибо в ней осужденный выражает себя таким, каков он есть в собственных глазах своих [8. С. 519–520].

Письмо Жуковского было впервые опубликовано П.И. Бартевым по черновому автографу [9. Л. 1–2]; белой автограф до сих пор не был известен. Он обнаружен в ГАРФ в составе весьма примечательного конволюта [10. Л. 2–3 об.], содержащего еще несколько документов, из которых самым главным и объемным является занимающая 55 листов с оборотами писарская копия оправдательной записки Николая Тургенева, состоящей из двух разделов: собственно оправдательной записки и таблицы с ответами на вопросные пункты Следственной комиссии, по которым Тургенев обвинялся: впервые в сокращении эта записка была опубликована А.И. Заозерским [11. С. 125–163], полностью – Н.Ф. Бельчиковым [12. С. 70–147]. Кроме автографа письма Жуковского от 29 декабря 1827 г., в конволюте находятся еще два любопытнейших документа: автограф последнего предсмертного письма графини Разумовской к поэту, полученного Жуковским около 27 декабря 1827 г. по ст.ст. (графиня Разумовская умерла 5/17 декабря 1827 г.) и вердикт великого князя Константина Павловича, ознакомившегося с оправдательной запиской Н.И. Тургенева и письмами Жуковского и Генриетты Разумовской и вынесшего свой приговор по этому делу.

Письмо Генриетты Разумовской послужило непосредственным импульсом к подаче императору именно записки Николая Тургенева (а не <Записки...> самого Жуковского: скорее всего, эта записка, известная только в черновом автографе, до императора так и не дошла). О письме же Разумов-

ской и о последней просьбе умершей графини поэт сообщает в цитированном письме к императору Николаю I:

Осмеливаюсь представить Вашему Императорскому Величеству письмо, дня два тому назад мною полученное. Оно было писано умирающею, теперь уже мертвою, писано с тем, чтобы я довел его до сведения Вашего Величества. Я обязан это исполнить. <...> Это письмо умирающей кажется мне голосом самого Провидения, и я должен повиноваться ему [б. 1895. № 8. С. 519–520].

Это письмо, написанное на французском языке, было не полностью опубликовано в переводе Н.Ф. Бельчиковым [12. С. 69]; привожу его текст полностью в оригинале и в исправленном переводе:

Dans la nuit du 28 au 29 novembre <1827>

Je vous regrette, mon bon Joukoffsky, après de se lit où je me sens si calme et quelque chose de si douce que je suis surprise de la grâce que Dieu m'a fait. Comment si peu d'angoisse! J'ai la pleine possession de moi-même. Je sens ce qui va la dégager et ce que va être lié à la terre le désire <de> mon âme où elle va, la seule pensée, qui me tienne encore ici, est Nicolas – je voudrais que les effets de mon amitié pour lui me survécussent, les prières d'un mourant, il ne faut pas les repousser, faites arriver les miennes à l'Empereur. Je jure au nom de Dieu, devant lequel je vais paraître, de ce Dieu qui nous pardonne comme nous aurons pardonné, je jure que Nicolas Tourgueneff est innocent; mais ce n'est pas même de cela que j'ai parlé. D'autres savent aussi son innocence. Que la conscience de l'Empereur décide ce qu'on doit à l'innocence, en attendant qu'il puisse la reconnaître, je supplie, une mourante l'invoque sa pitié pour Nicolas malade que le climat d'Angleterre tue. Que l'Empereur laisse venir notre ami sur le continent; qu'il y puisse être avec une pleine sécurité. J'implore sa pitié, je le lui demande au nom de sa femme, de ses enfants. J'appelle à mon secours l'Impératrice, cette âme que vous m'avez fait connaître, cette âme si pure et si bonne. Faites arriver à elle et par elle mes derniers accueils. Il exaucera ma prière, elles partent déjà d'à moitié de l'autre vie, de cette vie où nos oeuvres de miséricorde compteront seules; mes prières là se changeront en bénédiction

Je sens, mon ami, le fruit de vos admirables lettres, elles me sont garniee dans mon âme et la mort m'apparait comme vous avez sue me la montrer quand vous me parliez de Serge e de Pauline. Encore un peu d'heures, un peu de jours et je serai avec eux. Je vous bénis. Je demande à Dieu qu'il vous laisse accomplir notre ouvrage et qu'il le rend digne de vous. Je bénis cet enfant et son père que j'implore, Nicolas est innocent¹.

Henriette Rasoumovsky

Pour Joukoffsky à envoyer après ma mort

¹ <...> единственная мысль, (франц.).

Перевод:

Я сожалею, мой добрый Жуковский, что Вы это прочтете, тогда как я сама так спокойна и чувствую даже что-то сладостное в той неожиданной Божией милости, которая меня настигла. Как мало во мне страха! Я совершенно владею собой. Но я чувствую, что должна освободить свою душу от того, что еще связывает меня с этим миром, чтобы она могла отправиться туда, куда она идет – от единственной мысли, которая меня еще удерживает здесь – от мысли о Николае. Я желала бы, чтобы сила моей дружбы к нему пережила меня, мольбы умирающей нельзя отвергнуть, передайте мои мольбы императору. Именем Бога, пред коим я вскоре предстану, Бога, прощающего нас, как и нам следовало бы прощать, я клянусь, что Николай Тургенев невиновен; но я говорю не только по своему убеждению. Другим тоже известна его невинность. Да рассудит совесть императора, как того требует невинность; в ожидании этого я молю, умирающая молит проявить милосердие к больному Николаю, которого убивает климат Англии. Пусть император позволит нашему другу вернуться на континент; пусть он там будет в совершенной безопасности. Я умоляю императора о милосердии, я прошу о нем именем его жены, его детей. Я взываю о помощи к императрице – к этой душе, с коей Вы меня познакомили, душе столь чистой и доброй. Передайте ей и через нее мои последние мольбы. Он не отвергнет мои мольбы, они уже наполовину исходят из другой жизни, той, где имеют вес только наши милосердные дела; там мои мольбы претворятся в благословение.

Я чувствую, мой друг, что Ваши прекрасные письма принесли свои плоды: они проникли мне в душу, и смерть представляется мне теперь такую, какою Вы сумели показать мне ее, когда Вы говорили мне о Сергее и о Полине¹. Еще несколько часов, еще немного дней, и я буду с ними. Благословляю Вас. Я молю Бога, чтобы он дал Вам завершить наш труд и чтобы результаты вашей работы оказались достойными Вас. Благословляю это дитя и его отца², – молю его верить, что Николай невиновен.

Генриетта Разумовская

Жуковскому, послать после моей смерти [10. Л. 4–6 об.].

Очевидно, что это письмо графини Разумовской Жуковский воспринял как своего рода знамение, тот самый Богом посланный желанный случай, который помог бы ему решиться, после долгих колебаний, обратиться к императору с просьбой о Николае Тургеневе. Очевидно также, что решение передать императору объяснительную записку Николая Тургенева вместо своей собственной было принято поэтом одновременно и импульсивно, и обдуманно – импульсивно потому, что поводом для решительного

¹ Имеются в виду Сергей Тургенев и Полина Гизо, умершие летом 1827 г.

² Подразумеваются цесаревич Александр Николаевич, воспитанник Жуковского, и император Николай I.

шага послужило глубоко взволновавшее поэта предсмертное письмо высоко ценимой им женщины, обдуманно – потому, что оно явилось результатом двухмесячных колебаний из-за неутешительных итогов обсуждения записок – своей и Николая Тургенева – даже с ближайшими друзьями. И это решение представляется вполне закономерным, поскольку тексты записок Жуковского и Николая Тургенева частично дублировались – очевидно, что материалом для составления записки поэта послужили не только тексты Николая Тургенева (как явствует из текста самой записки Жуковского, он намеревался приложить к ней выписки из писем Н.И. Тургенева к А.И. Тургеневу [3. Т. 13. С. 288]), но и еще какими-то более официальными документами, например оправдательными записками самого Николая Тургенева [11. С. 116].

Однако более неподходящего момента для этого шага Жуковский выбрать не мог. С октября 1827 г., с момента Наваринского сражения (8/20 октября 1827 г.), начал назревать русско-турецкий конфликт 1828–1829 гг., и император Николай I, готовившийся к войне, менее всего был озабочен судьбой осужденного – пусть даже несправедливо осужденного, хотя он так не считал, – Николая Тургенева. Поэтому ответа на письмо графини Разумовской и вердикта императора Жуковскому и Александру Тургеневу пришлось ожидать долго. В течение января–апреля 1828 г., т.е. вплоть до самого своего отъезда на театр военных действий русско-турецкого конфликта 1828–1829 гг., император практически ни словом не обмолвился о том, читал ли он манускрипт, и если читал, то к какому заключению пришел. В письмах к А.И. Тургеневу от 10/22 января, 4/16 февраля, 27 февраля / 11 марта, 13/25 марта и 6/18 апреля 1828 г. Жуковский сообщает более или менее одно и то же: Николай I не дает ответа на обращение Жуковского и неизвестно, прочитал ли он записку Николая Тургенева:

И письмо гр<афини> Разум<овской>, и манускрипт брата были отданы мною при собственном письме моем <...>. Я видел Г<осударя> через два дня после; то есть только с ним встретился. Он мимоходом сказал мне: «*Читал маленькое; но, признаюсь, не убежден*» («*Что маленькое? Письмо ли Разумовской, таблицу ли, приложенную в конце оправдания, не знаю*). <...> С тех пор он не говорит ни слова, хотя я и много раз с ним встречался. Не знаю, прочитал ли он все; но весьма надеюсь, что прочтет. Напоминать ему нельзя; надобно оставить все на волю его здравого ума и его сердца [5. С. 238–240].

И только в неопубликованном письме к А.И. Тургеневу от 22 мая / 3 июня 1828 г. поэт сообщил, что оправдательная записка Николая Тургенева императором, возможно, прочитана, но результат этого чтения – опять неутешительный:

<...> оправдание в руках государя. Одно из двух: или оно не произведет никакого действия или произведет его, то есть заставит усомниться в

справедливости приговора. Если первое, то дело кончено <...>. Если последнее, то чего бы по всей вероятности ожидать было возможно: того только, что государь, усомнившись по прочтении бумаги Николая в справедливости приговора, нашел бы необходимым снова велеть рассмотреть его дело. Но в таком случае согласился ли бы он довольствоваться одним его письменным оправданием и велел ли бы оправдать его, не требуя его самого к суду! Этого и предполагать невозможно! <...> письменное оправдание Н<иколая> *отдано*, и мне не сказано ничего в ответ. Что же это должно значить? То, что оно не заставило усомниться в справедливости приговора [13. Л. 10–11].

В черновом варианте этого письма Жуковский выражается более определенно: «Оправдание в руках государя. Оно прочитано» [14. Л. 1–1 об.], однако, судя по тому, что в беловом автографе нет никаких утверждений относительно того, что Николай I прочитал манускрипт Н.И. Тургенева, это было скорее предположением поэта, нежели точной информацией. В этом сомнении и предчувствиях бесполезности предпринятой им попытки добиться пересмотра дела и приговора Николая Тургенева Жуковскому предстояло оставаться вплоть до 14 октября 1828 г., даты возвращения Николая I в Петербург [15. С. 124, 180]. Более того, когда поэт получил ответ на свое обращение, он даже не понял, что это и есть так долго ожидаемый ответ. 14 октября 1828 г., в последний день рождения императрицы Марии Федоровны и тот самый день, когда Николай I вернулся в столицу после продолжительного отсутствия, К.К. Мердер, воспитатель наследника и коллега Жуковского в этой должности, был пожалован генерал-майором в знак признания его заслуг в деле воспитания наследника, а Жуковский демонстративно обойден наградой по службе. Это произвело на поэта более чем гнетущее впечатление: о причинах немилости императора Жуковский был в полном недоумении, как об этом свидетельствуют два его опубликованных письма к императрице Александре Федоровне [4. С. 534–542] и одно пока не опубликованное – к императору Николаю I, написанные в промежуток времени между 14 и 23 октября 1828 г.:

Государь! благоволите изъясниться: чем навлек я на себя Вашу немилость? Первая минута Вашего столь радостного нам прибытия в столицу была ознаменована перед глазами всех наградою Мердеру. Половина его дела лежит на мне, но я не имел счастья получить от Вас не только знака публичного благоволения, но даже и слова, означающего Ваше одобрение. Что причиною такого горестного для меня отличия? <...> Я без моего ведома *заслужил в Ваших глазах* сию публичную, столь огорчительную для меня немилость? Осмеливаюсь только спросить: в чем вина моя перед Вами? <...> Я товарищ Мердеру; я занимаюсь с ним одним делом, Вы мой непосредственный судья, Россия смотрит на мои действия со вниманием, у меня есть имя, которое я должен поддержать перед Вами, моим воспитанником, моим

отечеством, смею сказать, и перед Европою, которой имя наставника наследника известно; подумав о Мердере, Государь, Вы не могли в то же время не *вспомнить* обо мне, и если, нашедши Мердера достойным публичного Вашего благоволения, Вы не соизволили оказать его в то же время мне, то сим столь же публично изъявили Вы, что я, товарищ Мердера, по своей части не сделал всего того, что он сделал по своей. Что иное могу подумать? А думая так, могу ли не стараться узнать, какая вина моя навлекла на меня Вашу немилость? [16. Л. 1–1 об.].

Пожалуй, на этот вопрос Жуковского может дать ответ третий документ вышеупомянутого архивного конволюта, а именно вердикт великого князя Константина Павловича, которому, как выясняется, в бытность его в Петербурге в январе–феврале 1828 г., когда он приезжал для обсуждения планов Николая I задействовать польскую армию в военных действиях против турок [15. С. 115–117], император, не имевший времени лично заняться чтением обширной записки Николая Тургенева, поручил старшему брату ознакомиться с ней и вынести свое суждение. Когда именно великий князь сообщил свое мнение Николаю I, неизвестно, но это очевидно произошло до возвращения императора с театра Русско-турецкой войны, т.е., до октября 1828 г. Эта записка, также не полностью и только в переводе, опубликована Н.Ф. Бельчиковым [12. С. 69]; привожу ее полностью в оригинале и в откорректированном переводе. В своем приговоре великий князь не пощадил ни Николая Тургенева, ни графиню Разумовскую. Но особенно сильно от него досталось Жуковскому – и именно по причине высокого официального положения поэта как наставника престолонаследника:

J'ai lu avec la plus grande attention les justifications de Nicolas Tourgueneff, que Votre Majesté a daigné me donner à Pétersbourg et j'ai l'honneur de la réitérer ceci à suit. Comme il était de Votre intention que j'émette mon opinion sur ce sujet, je ne puis m'empêcher de dire, qu'il y a des passages très remarquables et qui peuvent atténuer les crimes dont le dit Tourgueneff est accusé, mais jamais le disculper totalement. Il le sent lui-même, malgré tout ce qu'il avoue pour sa justification. Toutefois ce qui me paraît de plus condamnable en lui est de ne s'être pas présenté au jugement, puisque de deux choses l'une ou bien il se sent coupable, ou bien il ne se sent pas. Dans le premier cas c'est fort naturel qu'il se sent s'accablé à la directive des lois, et dans le second cas craignait-il ce sentant innocent. Sa non-comparition ne laisse faire, à mon avis, le doute, de sa coupabilité. Je ne puis laisser passer sous silence l'inconvenance de la lettre de Joukowski que je ne connais pas même. De vue, d'après son contenu il me semble que les principes dont il s'est servi, ne sont pas compatibles avec l'ordre des choses établi dans notre gouvernement et qui ne peuvent pencher qu'au préjudice de son élève. Quand à la dame Rasoumovsky il n'y rien de dire. C'est une femme qui semble avoir eu une liaison avec Tourgueneff et que sa passion pour lui égare [10. Л. 8–8 об.].

Перевод:

Я прочитал с величайшим вниманием оправдание Николая Тургенева, которое Ваше Величество изволили мне вручить в Петербурге и честь имею возвратить его с присовокуплением следующего. Выполняя Ваше пожелание выразить свое мнение об этом подданном, не могу не сказать, что в его записке есть места, весьма достойные внимания, которые могли бы смягчить обвинения, предъявленные Тургеневу, но никогда не могли бы полностью его оправдать. Он сам это чувствует, несмотря на все, что говорит он в свою защиту. В любом случае более всего достойно осуждения то, что он не предстал перед судом; одно из двух: или он чувствует себя виновным, или нет. В первом случае очень натурально, что он чувствует себя обвиненным <справедливо> по директиве закона, а во втором случае – чего ему бояться, если он чувствует себя невиновным. Его неявка, по моему мнению, не оставляет сомнения в его виновности. Я не могу умолчать о неприличии письма Жуковского, которого, впрочем, лично не знаю. Ознакомившись с содержанием его, я полагаю, что принципы, коими он руководствуется, не соответствуют порядку вещей, принятому нашим правительством, и не могут принести его воспитаннику ничего, кроме вреда. О мадам Разумовской мне сказать нечего. Кажется, эта женщина имела связь с Тургеньевым, и страсть к нему помutilа ее рассудок.

Нетрудно предположить, что это сокрушительное мнение старшего брата, уважаемого и ценимого императором, не могло не произвести на него очень сильное впечатление, следствием чего и стала первая полученная Жуковским «головомойка» [З. Т. 13. С. 312], вызвавшая к жизни очень грустные и оскорбленные недатированные записи в дневнике 1828 г., которые, пожалуй, теперь можно сравнительно точно отнести ко второй половине октября:

Какое мое положение? Я при уме и сердце наследника России. Вот все. Живи в этой высокой атмосфере, пока от тебя зависит в ней жить и действовать. Не допускай до себя ничего, что так заразительно и так часто бывает убийственно в низкой. Пока ты не окунулся в нее, до тех пор ты свободен. Заботясь о воздаянии, сам себя делаешь наемником. <...> Если бы мне сказать государю свое мнение на то, как он со мною поступил, вот что бы я сказал: вы мне вверили ум и сердце вашего сына, следовательно, вы признали меня достойным вашей доверенности. Если вы позволяете себе, сделав главное, не исполнять того, что вы обещали исполнять в отношении ко мне, то вы в противоречии с самим собою или с намерением хотите быть несправедливым. <...> Я свое дело делаю и хочу делать. Если вы не делаете своего, то это несколько не заставит меня почитать моей должности менее священной, она от этого не теряет своей возвышенности, ни даже прелести. <...> За невнимание, за оскорбление негативное я не имею право покинуть своего места: я бы унизил понятие свое о моей возвышенной должности, если бы измерил

ее по тем выгодам, которые были бы сопряжены с ее исполнением. Ее не продам никому. Но унижения сносить не должно. Не оказывая мне справедливости – возвышают меня перед другими. Оскорбляя мое лицо – унижают меня. Сего последнего позволять нельзя [3. Т. 13. С. 305–306].

До момента, когда, повинувшись мгновенному импульсу, который дало ему письмо графини Разумовской, поэт впервые обратился лично к императору со своей просьбой пересмотреть дело Николая Тургенева, он предпочитал просить Николая I – о чем бы то ни было – через его жену, императрицу Александру Федоровну, отношения с которой у него были значительно менее формальными и официальными. И эти просьбы не имели столь решительного и опасного характера: например, это была просьба разрешить художнику Кларе остаться за границей (1826) или просьба самого Жуковского о продлении его пребывания в Германии на год (1826), или даже просьба о разрешении для А.И. Тургенева поехать в Лондон к брату Николаю – она тоже была подана через императрицу Александру Федоровну.

Таким образом, именно письмо графини Генриетты Разумовской, которое подвигло Жуковского в самый неподходящий для этого момент предпринять решительные действия в пользу неблагонадежного Николая Тургенева, закончившиеся столь плачевным образом, явилось первой побудительной причиной длительной порчи отношений Жуковского с императором. Однако, судя по тому, что поэт продолжал систематически портить эти отношения вплоть до 1832 г., вступаясь то за П.А. Вяземского, то за братьев Тургеневых, то, наконец, за И.В. Киреевского, обвинения против которых носили именно политический характер, Жуковский вплоть до высказанного ему в 1830 г. открытым текстом обвинения императора в связях с неблагонадежными («Ты при моем Сыне! Как же тебе слыть сообщником людей беспорядочных или осужденных за преступления?») [3. Т. 13. С. 313]) так и не понял, что именно является причиной систематических неудовольствий Николая I в адрес наставника его сына. Так письмо Генриетты Разумовской стало первым звеном в цепочке обращенных лично к Николаю I ходатайств за «всех, кто только худ с правительством» [3. Т. 13. С. 312] и своего рода «крещением» Жуковского как либерального общественного деятеля.

Литература

1. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений : в 12 т. СПб., 1902.
2. РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 35.
3. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. М., 2004–2018.
4. Жуковский. Исследования и материалы. Вып. 2. Томск, 2013. 726 с.
5. Письма В.А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895. 322 с.
6. Русский архив. Историко-литературный журнал. М., 1863–1917.
7. Дубровин Н.Ф. Василий Андреевич Жуковский и его отношения декабристам // РС. 1902. № 4. С. 45–119.
8. Бартенев П.И. Николай Иванович Тургенев и графиня Генриетта Разумовская // Русский архив. 1895. № 8. С. 484–520.

9. *РО ИРЛИ*. № 28291.
10. *ГАРФ*. Ф. 728. Оп. 1. № 1447.
11. *Заозерский А.И.* Вторая оправдательная записка Н.И. Тургенева // Памяти декабристов : сб. материалов. Л., 1926. Т. 2. С. 99–163.
12. *Записка* Н.И. Тургенева / предисл. Н.Ф. Бельчикова // Красный архив: ист. журн. 1925. Т. 13 (6). С. 68–147.
13. *РО ИРЛИ*. Ф. 309. № 804 (старый шифр).
14. *ОР РНБ*. Ф. 286. Оп. 2. № 161.
15. *Шильдер Н.К.* Император Николай I: его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 2. 820 с.
16. *ОР РНБ*. Ф. 286. Оп. 2. № 114.

Henriette Razumovskaya's Death Letter to Vasily Zhukovsky and Its Consequences for the Court Fate of the Poet

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 64. 246–258. DOI: 10.17223/19986645/64/14

Olga B. Lebedeva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: obl25@yandex.ru

Keywords: Vasily Zhukovsky, Decembrists, Nikolai Turgenev, Henriette Razumovskaya, epistolary works, archival sources.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-18-00083.

The article aims to clarify information about the court biography of Vasily Zhukovsky, who, as a tutor of the heir to the throne, was close to the imperial family and used this position to facilitate the fate of the convicted Decembrists. The material of the study was the documents of the State Archive of the Russian Federation relating to Zhukovsky's participation in the case of Nikolai Turgenev, who did not appear for trial and was sentenced in absentia to death: a death letter from Countess Henriette Razumovskaya (who took an active sympathetic part in the fate of the Turgenev brothers) to Zhukovsky and a memorandum by Grand Duke Konstantin Pavlovich in the case of Nikolai Turgenev. In the article, these two documents are first published in full in the French original and in a modern translation. The publication is accompanied by a biographical commentary based on the materials of Zhukovsky's diary, his unpublished letter to Emperor Nicholas I, and letters to Alexander Turgenev, which detail facts related to the history of Zhukovsky's presentation of Nikolai Turgenev's acquittal note to Emperor Nicholas I. It is believed that the cause of the first serious conflict was the <Note on N.I. Turgenev> that Zhukovsky filed to the emperor. This note was first published from a draft autograph with notes in Volume 12 of Zhukovsky's *Collected Works* edited by A.S. Arkhangel'sky, and, later, from the same autograph in Volume 13 of his *Complete Works and Letters*. However, the study revealed that what the emperor received was not a note by Zhukovsky, but an acquittal note by Nikolai Turgenev with a cover letter from the poet and a death letter from Henriette Razumovskaya attached to Turgenev's note. The latter served as a direct impetus for the poet's appeal to the emperor with a petition for the political criminal. The result of the study was the first reconstruction of the sequence of events that caused the first serious conflict between Zhukovsky and the emperor: the impetus for the first appeal of the poet to Nicholas I with a petition for a political criminal was the death letter of Countess Razumovskaya. The negative outcome of his petition was due to the verdict of Grand Duke Konstantin Pavlovich. The emperor requested that the grand duke familiarized himself with Turgenev's note, and Konstantin Pavlovich found, as is clear from his memorandum, Zhukovsky's actions not consistent with his high status of the heir's mentor. Thus, the article reveals the causes of the first crisis in the court fate of Zhukovsky, which directly reflected on the official forms of recognition of the poet's merits: it was as a result of this petition that Zhukovsky did not receive another award and promotion, and the death letter from Henriette

Razumovskaya to Zhukovsky became the first link in the chain of direct petitions to Nicholas I for those who had problems with the government and a kind of “baptism” of Zhukovsky as a liberal public figure.

References

1. Zhukovskiy, V.A. (1902) *Polnoe sobranie sochineniy: v 12 t.* [Complete Works: In 12 Vols]. St. Petersburg: Izdanie A. F. Marksa.
2. Russian State Archive of Literature and Art. Fund 198. List 1. No. 35.
3. Zhukovskiy, V.A. (2004–2018) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete Works and Letters: In 20 Vols]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
4. Yanushkevich, A.S. (ed.) (2013) *Zhukovskiy. Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky. Research and Materials]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
5. Zhukovskiy, V.A. (1895) *Pis'ma, V.A. Zhukovskogo k Aleksandru Ivanovichu Turgenevu* [Letters from V.A. Zhukovsky to Alexander Turgenev]. Moscow: [s.n.].
6. *Russkiy arkhiv.* (1863–1917).
7. Dubrovin, N.F. (1902) Vasiliiy Andreevich Zhukovskiy i ego otnosheniya k dekabristam [Vasily Zhukovsky and His Attitude to the Decembrists]. *Russkaya Starina.* 4. pp. 45–119.
8. Bartenev, P.I. (1895) Nikolay Ivanovich Turgenev i grafinya Genrietta Razumovskaya [Nikolai Turgenev and Countess Henriette Razumovskaya]. *Russkiy arkhiv.* 8. pp. 484–520.
9. Manuscript Department of Institute of Russian Literature. No. 28291.
10. State Archive of the Russian Federation. Fund 728. List 1. No. 1447.
11. Zaozerskiy, A.I. (1926) Vtoraya opravdatel'naya zapiska N.I. Turgeneva [The Second Acquittal Note of N.I. Turgenev]. In: Belyaev, M.D. et al. *Pamyati dekabristov. Sbornik materialov* [In Memory of the Decembrists. Collection of Materials]. Vol. II. Leningrad: USSR AS. pp. 99–163.
12. Bel'chikov, N.F. (1925) Zapiska N.I. Turgeneva [N.I. Turgenev's Note]. *Krasnyy arkhiv.* 13. pp. 68–147.
13. Manuscript Department of Institute of Russian Literature. Fund 309. No 804 (Old Code).
14. Manuscript Department of Russian National Library. Fund 286. List 2. No. 161.
15. Shil'der, N.K. (1903) *Imperator Nikolay I: ego zhizn' i tsarstvovanie* [Emperor Nicholas I: His Life and Reign]. Vol. 2. St. Petersburg: Izd. A.S. Suvorina.
16. Manuscript Department of Russian National Library. Fund 286. List 2. No. 114.